

У истоков российской литуанистики: век «осмнадцатый»

Андрей Дворниченко

Near the Sources of the Lithuanian Studies in Russia: Eighteen Century

Andrey Dvornichenko

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015457-3

Искать истоки чего-либо — занятие неблагодарное. Явления социальной или культурной жизни возникают не на пустом месте: корни имеют отростки, которые идут всё глубже и глубже. Не всё просто и с «литуанистикой». Замечу, что традиционно под таким понятием подразумевается восприятие и отражение в историографии истории Великого княжества Литовского (ВКЛ), преимущественно до Люблинской унии. Порой «литуанистику» трактуют слишком узко: как историю собственно литовских земель (Аукштайтии и Жемайтии). С этим трудно согласиться, поскольку 90% территории ВКЛ — древнерусские земли, и не случайно в российской историографии это государственное образование именовали Литовско-Русским государством¹.

Обобщающей работы по истории литуанистики, к сожалению, нет, хотя за последние десятилетия по данной тематике написано немало трудов. Литуанистика на протяжении первых десятилетий XXI в. стала объектом изучения в кандидатских диссертациях, где приводится, к сожалению, не столь обильная литература². Истории русской литуанистики посвящались также книги и статьи. Однако с пониманием проблемы «истоков» дело обстоит не очень благополучно. А.М. Столяров начал своё исследование с 1820-х гг., мотивируя это тем, что именно тогда «под влиянием углубления научных контактов с польской гуманитарной средой, а также открытия новых источников, российская историография... поступательно шла к включению Великого княжества Литовского в область русской истории»³.

Автор следующей по времени диссертации основывался уже на другой логической конструкции и указал на первую половину XVIII в., когда зарождающаяся отечественная историческая мысль обращалась к эпизодам литовской

© 2021 г. А.Ю. Дворниченко

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.», проект № 19-18-00073.

¹ Дворниченко А.Ю. *Rus Lietuvos: Великое княжество Литовское от рассвета до заката*. СПб., 2019.

² Столяров А.М. *История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX — начала XX века*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008; Мегем М.Е. *Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии*. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2018.

³ Столяров А.М. *История Великого княжества Литовского...* С. 4—5.

истории⁴. Но, объективности ради, надо сказать, что в своей работе истоки литуанистики, уходящие в «осьмнадцатый» век, М.Е. Мегем осветил крайне лапидарно. И это не упрёк молодому исследователю: в начале своей научной деятельности я также считал, что российская историография истории ВКЛ «по-настоящему» начинается с Н.Г. Устрялова⁵. Жанр статьи накладывает свои ограничения, но даже обзор одних важнейших «вершин» XVIII в. может дать многое. При этом, говоря об «осьмнадцатом» столетии, надо держать в поле зрения и последующие, и, что не менее важно, предшествующие времена, т.е. можно говорить о «переходном историографическом периоде, затянувшемся почти на два века, если считать со второй половины XVI до начала XVIII в. включительно»⁶. Историческая же мысль XVIII в. густо замешана на представлениях предшествовавших веков, «историчность сознания, присущая XVIII веку, не в силах сразу побороть сознание донаучное, библейское»⁷.

Из общих работ этого времени выделяется «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева⁸. Главным иностранным источником для него был М. Стрыйковский и другие польские писатели⁹. Знал он и русские летописи, но трудно сказать, какие именно. ВКЛ для Манкиева — объект вполне вёдомый, что свидетельствует о его исторической подготовке. Литву (литовцев) он, правда, именовал «Литвяне»; они воевали с русскими, но русские их обычно побивали. Не всем, правда, фактам приходится верить. Так, венчание на княжение Литовское Давида Ростиславича (из полоцких князей), от которого все литовские князья «вплоть до последнего Тройдена» и пошли, Манкиев датировал 1128 г. Он акцентировал внимание на происхождении великих князей литовских от князя Владимира, проявляя даже знания о религиозных «метаниях» Миндовга¹⁰.

Сидевшего в плену писателя сильно смущал процесс, который бы мы сейчас назвали генезисом Литовско-Русского государства. Ссылаясь на «литовских летописцев», он отметил, что Литва, дождавшись поражения русских князей и Руси, решила ловить рыбу в «смущенной воде», освободиться от холопства и впредь дани не давать. Литовцы двинулись на Русь, но под Полоцком были разбиты. Через много страниц, когда речь шла уже о временах Алексея Михайловича, Манкиев, объясняя присоединение Украины, и прежде всего Киева, отметил, что Гедимин захватил «мати градом русским», а потом Волынские, Северские и прочие княжения, «даже по Путимль, под свою власть покорил». Сумел вернуть России Киев только второй представитель новой династии. Говоря о более раннем времени, Манкиев вполне разобрался в трендах восточноевропейской политики: князь литовский Витовт в дружбу с Тохтамышем вошёл и против Руси воевал, «дабы стать всея Руси самодержцем». Тот же Витовт

⁴ Мегем М.Е. Средневековая история Литвы... С. 4.

⁵ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М., 2013. С. 5—6.

⁶ Пешич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 44.

⁷ Маловичко С.И. Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синописа» до «Нестора» А.Л. Шлёцера). Ставрополь, 2001. С. 3. Полагаю, что в этом сознании были и добиблейские слои.

⁸ [Манкиев А.И.] Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым. М., 1799.

⁹ Пешич С.Л. Русская историография... Ч. I. С. 106; Рогов А.И. Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 7—8.

¹⁰ [Манкиев А.И.] Ядро российской истории... М., 1784. С. 27, 64—65, 74, 123.

и Смоленск хитростью взял¹¹. Патриотизму исследователь был готов принести в жертву историческую правду. Он с восторгом описал поход Дмитрия Жилки под Смоленск, хотя все источники единодушны в том, что эта акция закончилась неудачей¹². В таком же ключе описаны не только военные, но и политические события, например брак Елены Ивановны и великого князя литовского Александра¹³. На патриотической ноте, описанием гербов «самодержавства русского частей» (среди этих частей и русские земли ВКЛ) и заканчивается книга. Схема, создаваемая Манкиевым из летописного материала, который он неплохо знал, ясна: процветание «самодержавства» Владимира Святого, последующий распад и восстановление единовластия.

Более твёрдая «точка отсчёта» — величественная фигура В.Н. Татищева. Татищев собрал много информации о Литве и попытался в ней разобраться. Он сообщил о походах русских князей на литовцев: Ярослав Мудрый ходил походами на ятвягов и литву¹⁴. Впрочем, отметил историк в примечаниях, Литвой обладал уже Владимир Святой, что пропускают «некоторые манускрипты» российские, но знают иностранные. Тут, похоже, впервые в качестве источника упомянут труд литовского историка XVII в. А. Кояловича¹⁵. Появляется и избыточная информация: о походе Ярослава на Литву 1044 г. и о «заложении» им Новгорода — и Татищев выступает в роли историка-критика источников¹⁶.

На ятвягов ходил Ярослав — сын Святополков. Историк отметил, что этим известием он обязан М. Стрыйковскому, а в русских манускриптах «не во всех находится». «Ходили» и другие князья, а также новгородцы и псковичи. Литва участвовала в военных операциях западнорусских князей, но оказывалась и на стороне немцев, которые, «собрав литву и либь, шли противу» русских. Литва, в свою очередь, совершала набеги на новгородские пределы, творила «многие пакости» области Полоцкой, нападала на «псковскую область». Литва воевала не только с русскими — Татищев упомянул битву под Шауляем, где литовцы разбили рыцарей. Правда, исследователь не обозначил место битвы. Возможно, основную информацию он взял у немецкого историка Христиана Кельха (Келхина), отметив, что Стрыйковский ничего не сообщает об этой битве. Когда речь зашла о языческих «суеверствах» на Руси и Литве, Татищев писал: «Стрыйковский многие такие в Руси и Литве суеверства объявил, сказуя, что из русских летописцев описал, но я их не обрел»¹⁷.

Главное даже не то, что Татищев привёл интересные (не всегда бесспорные) факты по литовской истории. Важно, что он задумывался над ней, искал ей место в истории стран и народов Восточной Европы. Он не ограничился простым перечислением походов, пускаясь в разного рода рассуждения. В основном, вполне в духе науки того времени, речь шла о названиях тех или иных

¹¹ Там же. С. 111—112, 137, 147, 169, 355.

¹² Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 429.

¹³ [Манкиев А.И.] Ядро российской истории... С. 177, 179.

¹⁴ Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. II, III. История Российская. Ч. 2. М., 1994. С. 78; Т. IV. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 148.

¹⁵ Там же. Т. I. М., 1994. С. 211; Т. II. Примеч. 244. С. 242.

¹⁶ О летописи, принадлежавшей А.П. Волынскому, см.: Пештич С.Л. Русская историография... Ч. I. С. 259.

¹⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 128, 142—143, 259; Т. III. С. 98, 125, 130, 151, 154, 176, 184, 188, 200—202, 209—210, 219, 220, 225, 231, 266; Т. IV. С. 188, 280, 296, 299, 314, 316, 326, 341, 343, 352, 358, 365, 369, 373, 430, 463, 466; Т. V. М., 1996. С. 33, 43.

народов и об их размещении. Литва фигурировала уже в недатированной части летописи в исполнении Татищева: «Ятвежи, ятвяги, язиги единое есть, народ сарматский, весьма жестокосердной и военной, с Литвою един язык имели» — вот образчик этих рассуждений¹⁸.

«Литвани, литалани, или малые алани, и литави, ныне литва имяновани», — рассуждал историк и уже в первой части спорил с З.Г. Байером по поводу летов, которых тот выводил из Литвы. Размышлял он и по поводу самогитов или жмоди, голяди. Наивность его идей вполне соответствовала степени твёрдости их отстаивания в спорах со Стрыйковским и другими предшественниками. Историка интересовало не только местонахождение народов, но и некоторых населённых пунктов, например Новгородка Литовского¹⁹. Его интересовали князья, княжеские кланы, например князья Друцкие, в «Литве же шляхетство Друцкие знаем». «Когда же род литовских князей умножился и оные с рускими свойством обязались и некоторые веру от русских приняли, то уже трудно и разобрать стало, от которого колена которой удел пошёл», — как бы предвещает Татищев дальнейшие генеалогические исследования. Интересны его наблюдения над понятием «великий князь»: «В России титул государей от Рюрика до царя Иоанна I... И сему многие иностранные последуя, титул великих князей приняли, первое литовской в XIII столетии»²⁰.

Он знал многие детали литовско-русской истории, например литовский герб Погоню — «всадник с голою саблею над главою, в зеленом поли, скачущ налево, конь белый»²¹. У Татищева есть и некое исследовательское обобщение его наблюдений. Он заметил некую закономерность: «Литва, хотя часто упоминается... иногда народы разными званием, яко голяды, голинды, зимегола, сетгола, ссолы, сусолы, лотва, лотигли, лотигали и пр., токмо не инако, как походы русских на литву; а потом является, что литва стала приходить на пределы Русские». Происходить это стало, «когда Руссия от татар разорена и в безсилии приведена была, а наипаче русские князи вместо согласия на неприятеля сами им на своих помогали и Литву возбудили»²². Историк критиковал польских коллег, которые, «выписывая един из другого», создали путаницу в изложении событий. Например, Бельский «дела литовские чрез лет более тысячи описует без показания лет и свидетельств, и так смешал, что разобрать нельзя»²³. Интересно, что в первой редакции историк начинал это примечание словами: «О начале литовских князей по русским летописцам, колико мне известно, нигде не упоминается». Эта ремарка очерчивает круг источников, который был под рукой у Татищева. Тех летописей, где речь идёт об этом «начале», явно не было. Зато из труда Стрыйковского историк узнал о знаменитой «римской легенде» и не преминул подвергнуть её критике: «Из сего довольно погрешность в летах польских писателей и басня о Полемоне римлянине обличается». Сделав дельные замечания, он подвёл итог: «И сие (римская легенда в исполнении

¹⁸ Там же. Т. I. С. 169, 248—250, 412—413; Т. II. С. 228—229, 294, 306; Т. III. С. 298; Т. IV. С. 65, 107, 410.

¹⁹ Там же. Т. I. С. 183, 227, 229, 354, 417, 428; Т. II. С. 22, 245, 296, 311, 315; Т. VII и VIII. История Российская. Окончание. Работы разных лет. М., 1994. С. 113, 120.

²⁰ Там же. Т. II. С. 260, 264; Т. IV. С. 431, 434—435; Т. VII и VIII. С. 207, 423.

²¹ Там же. Т. I. С. 438.

²² Там же. Т. I. С. 289, 351; Т. III. С. 267; Т. IV. С. 80.

²³ Там же. Т. III. С. 259.

Стрыйковского. — А.Д.) видится для отнятия претензии русской на те места от поляков и литвы вымышлено»²⁴.

Татищев затронул и ряд других проблем, например наличие письменности («В Литве же когда письма, кроме у русских, не было») ²⁵, или проблему политического строя древнерусских земель, важную для понимания литовско-русского политогенеза («Безпорядками князей оных изгоняя, демократическое правительство ввели, но с великим вредом принуждены отдаться во власть литовских князей») ²⁶. Татищев стоял и у истоков исторической географии: «В Литве грады Горы и Горки знаем», зато «Рифейские горы и Ипербореи» ни в Литве, ни в Польше не существовали. Ещё одна Русь — Белая, к которой историк относит Смоленское княжество. Здесь у него объект критики — «литовские писатели», которые, «похитя титул княжения русского и княжение Смоленское, оное токмо Белою Русью именовали» ²⁷.

В третьей и четвёртой частях «Истории Российской» находим последовательное изложение литовско-русской истории. Уже А.Е. Пресняков обратил внимание, что в основе текста третьей части «Истории Российской» лежит так называемый Академический XV список Никоновской летописи ²⁸. Здесь Татищев уже ничего не добавлял и не сопровождал свой текст примечаниями, допуская, впрочем, ошибки. С.Н. Валк выявил основные их типы ²⁹. Некоторые сразу бросаются в глаза. Например, князя Гедимины Татищев называет Гедиманом ³⁰.

О своего рода тяге к литовско-русской истории свидетельствуют и произведения историка, напечатанные в пятой книге его собрания сочинений. Сюжеты по этой, явно интересовавшей Татищева, истории находим и в «Собрании законов древних русских», а также в сочинении «К примечаниям на Страленберга». И пусть в «Примечаниях на вторую книгу Собрания русских гисторей» историк изложил свою неверную концепцию об идентичности Тмутаракани и воеводства Новгородского и о «ятвежах», но сам интерес к литовской истории достоин упоминания ³¹.

Литву встречаем и в «основном мировоззренческом труде» Татищева — «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ». Русское государство под единовластным правлением до смерти «Владимира Первого» всячески процветало и в силе умножалось, «чрез что так многими землями, яко всею Литвою и по Днестру живущими, обладали». Находят себе место сведения по истории и исторической географии ВКЛ и в его сочинении «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». Есть такие дан-

²⁴ Там же. Т. III. С. 267—268, 305; Т. IV. С. 459, 467—468.

²⁵ Там же. Т. IV. С. 264.

²⁶ Там же. С. 438. См. подробнее: *Дворниченко А.Ю.* Городская община верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV веках. М., 2013. С. 120—129.

²⁷ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 104, 157, 439.

²⁸ *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. I. С. 255.

²⁹ *Валк С.Н.* О рукописях третьей части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. V, VI. М., 1996. С. 12.

³⁰ *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. V, VI. С. 86, 95.

³¹ Там же. Т. VII, VIII. С. 186, 188, 389, 402, 418—419, 421, 423, 433, 446; *Валк С.Н.* О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. VII, VIII. С. 48.

ные и в работе: «Звания городов, урочисч, рек, озер, чинов, фамилей, денег и обстоятельств в России употребляемых»³².

Одним из первых российских литуанистов стал князь М.М. Щербатов. Начиная с первого тома Щербатов последовательно излагал добываемые им сведения о литовцах и ВКЛ. Естественно, что по мере сближения Польши и ВКЛ сведения об этих странах контаминировались (в одном месте он даже отметил, применительно к 1550-м гг.: «Мню литовцу или поляку, ибо тогда не различали сии народы, и обще или поляками, или ляхами называли»)³³, но, тем не менее, князь довольно чётко отличал историю ВКЛ от истории Польши, достаточно подробно сообщая о деяниях и той, и другой страны. Вообще, история Литвы подаётся им на широком историческом и географическом фоне в сопровождении замечаний, гипотез, критических источниковедческих замечок.

Литовцы у Щербатова — «всегдашние неприятели России», но историк пишет не только о «непокойном обычае Литовских народов», но и об их храбрости. Впервые в науке чётко осознаётся тесная связь истории ВКЛ и России: «Понеже Литовская история в некоторых случаях немалую связь с российской имеет, то не за бесполезное почитаю о происшедших смущениях тогда в Литве упомянуть, ибо, как в следствии предложено будет, оные не малое действие и в российских делах произвели»³⁴. Историк дал ценную информацию о ранней Литве: о язычестве («погружены во мрак идолопоклонения»), о «нечистосердечном крещении» князя и его желании стать королём. Писал он и о распространении власти Литвы, о «сферах» её влияния, упоминает литовских вождей. Не прошёл Щербатов и мимо битвы под Шавли, правда писал о ней почему-то в связи с Новгородом³⁵.

Ясны его основные источники — Стрыйковский и другие польские «летописцы». Использовал князь Щербатов и несколько десятков русских летописей (мы не всегда точно можем определить, какие именно). Использовал князь и ряд западных сочинений, например книгу де Солиньяка³⁶, которую затем активно цитировал его критик И.Н. Болтин. Говоря о гибели Гедимины, Щербатов пустился в рассуждения о том, что русские летописцы более правы по сравнению с литовскими и польскими. Не мог быть Гедимин убит в 1328 г. из пушки, поскольку порох раньше 1338 г. не использовался. Следовательно, правы русские источники в том, что произошло это в 1341 г. Историк пытался объяснить, почему вместо появившегося в Пскове князя Андрея вдруг обнаруживается Ев-

³² Татищев В.Н. Указ. соч. Т. VII, VIII. С. 120, 183, 188, 194, 197, 207, 213, 238, 272, 289, 304, 330, 342, 358.

³³ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб., 1770. С. 248; Т. II. СПб., 1771. С. 47, 122, 331, 378—372, 421—422, 424, 429, 432, 437, 449, 459, 502, 505, 524, 551—552, 559—560; Т. III. СПб., 1774. С. 12, 36—37, 82, 95, 187—188, 244, 349, 380—382, 386—387, 394, 396, 398, 403, 404, 417, 422, 425, 436, 443, 446—447; Т. IV. СПб., 1781. С. 2, 27, 33, 36, 38, 48, 55, 59, 64—65, 77, 79—80, 83—84, 91, 110, 118, 124, 146, 149, 171, 180—181, 203—204, 210, 220, 232, 242, 260, 267—268, 279, 280, 283—284, 285—286, 290—291, 301, 315, 322, 325, 327, 335—336, 338, 340, 342, 355—357, 361, 369, 372, 375—376, 385—386, 389—390, 394—396, 421, 425, 432, 439, 443, 448—449, 454, 471, 487, 498, 509—510, 512—513, 515, 523, 544, 554, 563; Т. V. СПб., 1786. С. 28.

³⁴ Там же. Т. III. С. 95. На мысль князя о «связи русской истории с литовской» обратил внимание С.Л. Пештич (*Пештич С.Л. Русская историография...* Ч. III. Л., 1971. С. 37).

³⁵ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. С. 421—422, 524, 560; Т. III. С. 70.

³⁶ Сочинение г. Солиньяка, тайного секретаря е.в. короля Польского и герцога Лотарингского. СПб., 1766; *Пештич С.Л. Русская историография...* Ч. III. С. 30.

стафий: «Темнота летописцев понуждает нас к догадкам прибежище иметь»³⁷. В связи с войной Ольгерда с братьями Щербатов не только дал подробное описание событий, но и вступил в спор со Стрыйковским в пользу «наших летописцев» о том, что Евнутий был-таки в Москве и получил там владения, а вернулся лишь после заключения договоров московитов с Ольгердом. Очень интересны соображения Щербатова о характере власти татар над Литвой: «Литва неким образом также татарским ханам подвластна была». Но мы не видим, чтобы татары свою власть тут утвердили, брали бы дань или посылали баскаков. «Можем заключить, что разные степени были подданства народов татарам». Нельзя не обратить внимания на наблюдение историка о процветании христианской веры (православия) в ВКЛ, почему и Брянская земля хотела перейти под власть литвы, избавившись от татарского владычества³⁸.

В девятой книге князь с большим знанием дела спорил со Стрыйковским, когда речь зашла о походах Ольгерда. Он подробно описал причины «смущений», случившихся в ВКЛ после смерти Ольгерда³⁹. Стоит отметить ещё одну черту творчества князя-историка, важную для понимания генезиса Литовско-Русского государства. Речь идёт о понимании характера политических отношений в русских землях, которые послужили «строительным материалом» для этого государственного образования. Щербатов явно чувствовал демократический характер устройства этих земель, жители земель — полоцкие и прочие «граждане» — для него явно субъект, а не объект права⁴⁰.

Историческое сознание князя ни в коем случае нельзя модернизировать. Конечно, в его «просвещённые времена» все чудеса измеряли «мерилом здравого рассудка и истинного любомудрия»⁴¹, но его «здравый смысл», уходящий корнями в то же «осмнадцатое» столетие, а то и ещё глубже, даёт трактовки истории, весьма далёкие от нашего её понимания. Забавно, например, объяснение мотивации поведения Олега Рязанского и Ягайло, которые якобы хотели разделить между собой оставленные Дмитрием Ивановичем княжения — Олег бы взял себе Владимир и Коломну, а Ягайло — саму Москву⁴².

Зато объяснение присоединения к Дмитрию Ивановичу литовских князей Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского с их «воинствами» звучит вполне современно. То же самое можно сказать и касательно понимания Щербатовым причин «ласкового отношения» новгородцев к литовским князьям. Щербатов и дальше рисует широкую панораму русско-литовских отношений, давая свои объяснения, высказывая гипотезы; описывает войны, которые «тогда были скоро решительны». Правда, о знаменитом Грюнвальде — сражении с «Тевтоническими Пруссскими рыцарями» — он сначала упомянул только в связи с отношениями псковичей с «Лифляндскими рыцарями». В другом месте, повествуя о великих победах Витовта, кратко описал битву «знатнейшую между деревень Танненберга и Грюнвальды». Историк представил достаточно яркую и полную

³⁷ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. III. С. 380—382, 394.

³⁸ Там же. Т. III. С. 448—449.

³⁹ Там же. Т. IV. С. 38, 110—119.

⁴⁰ Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб.; М., 2017. С. 33—34.

⁴¹ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. IV. С. 155.

⁴² Там же. С. 125.

картину церковных отношений и политическую историю: правление Витовта, приход к власти Свидригайло — «человека нрава жестокого и честолюбивого»⁴³.

Щербатов подробно повествовал о международной ситуации в Восточной Европе во второй половине XV в., споря иногда со Стрыйковским, например, касательно новгородской дани литовцам. Давал он и характеристики литовским правителям, констатируя слабое правление Александра; Сигизмунд в его понимании «имеет все знаки великого достоинства». Интересовали Щербатова также польско-литовские отношения: «Две великие области Польша и Литва, хотя под властью единого короля, в сердцах своих однако не были соединены: вельможи во всегдашней борьбе между собою»⁴⁴. Он также подробно рассказал о борьбе России с Польшей и Литвой уже в правление Ивана Грозного, порой высказывая свои «гипотезы». Так, похоже, первый раз в историографии в ход пошёл пресловутый «русский мороз», ведь «россияне, быв северных стран народ, более могут сносить стужу, нежели Поляки и Литовцы». Историк по-прежнему задумывался о глубоких проблемах, призывая для объяснения растущей слабости поляков и литовцев обратиться к их «внутренним обстоятельствам, дабы через сие проникнуть в причину сего ослабления». А несколькими страницами ниже он нашел причины, из-за которых Сигизмунд заключил мир с Россией. Среди них главной было «разлившееся уже учение Лютера» и старания императора Карла V. Всё это очень беспокоило польского правителя и заставило заключить мир (не говоря уже о постоянных ударах со стороны самой России)⁴⁵.

Повествуя о Ливонской войне, Щербатов писал: «Польша и Литва, усилившаяся присоединением Лифляндцов, страшным неприятелем учинилась»⁴⁶. Историк подметил противоречия между поляками и литовцами: первые «требовали иметь все права гражданские в Литве, не давая оным (литовцам. — *А.Д.*)». В связи с участием России в Ливонской войне историк писал и о воссоединении Польши и Литвы. Хотя Литва и была присоединена к Польше, но «за разными обстоятельствами и по разным прибыточным видам Польских и Литовских вельмож, простирающих излишние и неудобные требования, сия область в действительное соединение с Польшею не была приведена». Историк наблюдал в Литве республиканское правление, при котором «благородные по их изволению престол дают, и где каждый благородный может надеяться достигнуть до престола»⁴⁷.

Любопытный князь Щербатов всегда возникает в нашей историографической памяти в тандеме с критично настроенным генерал-майором И.Н. Болтиным. «Несовершенство первых двух томов» Щербатова давно признано в литературе (начиная как раз с откликов Болтина)⁴⁸, что не делает эти самые отклики менее интересными. Если в первом томе Болтин лишь упомянул

⁴³ Там же. С. 146—147, 232—233, 341—342, 372, 449.

⁴⁴ Там же. С. 119, 378, 391.

⁴⁵ Там же. Т. V. С. 8, 33, 61—62, 82, 95—99.

⁴⁶ Там же. С. 74. Щербатова «по праву можно назвать первым историком Ливонской войны в Новое время» (*Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 252).

⁴⁷ *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. V. С. 214, 222—223, 228, 232.

⁴⁸ *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. III. С. 31.

о литовцах⁴⁹, то во втором Литве и литовцам уделено гораздо больше внимания. Историк назвал и пруссов, и «народ сарматский» — зимеголу, рассуждал о местонахождении тех или иных населённых пунктов (Минска, Друцка) или княжеств (Брестская область, Галицкое княжество), имеющих прямое отношение к литовско-русской и польской истории⁵⁰. Критика генерал-майора Болтина в адрес князя Щербатова в связи с зарождающейся российской литуанистикой укладывается в два основных направления. Прежде всего это обвинение в том, что Щербатов часто «Литву... вместо Польши употребляет, не ведая различия между ними»; «вместо ляхов поставляет литовцев, признавая за один народ»⁵¹. Для такого обвинения есть определённые основания, однако желание «уять» князя играло с Болтиным злые шутки. Касательно событий 1203 г. у Щербатова сказано, что союзники Рюрика Ольговича, боясь, чтобы их противник Роман Мстиславич «с новою помощью, взятою из Литвы и Польши, не учинил (им. — *А.Д.*) отмщения», совершили нападение на Литву. Болтин полностью переиначил смысл сказанного князем: «Понеже Литва тогда не принадлежала Польше», то и нападение на неё не могло вызвать никакого беспокойства там⁵².

Правда, когда Щербатов, не соблюдая в должной степени дисциплины писания, обронил фразу о том, что князья, «испрося помощь у Половцов и заключа союз с Ляхами, тогда бывшими в несогласии с Польшею, пошли на Галич», генерал мог торжествовать победу. Конечно, Болтин прав, замечая, что Новгород отнюдь не для того воюет с литвой, чтобы полякам досадить⁵³. Написав о нашествии литовцев в 1220 г. на Черниговское княжество, Щербатов заметил, что вскоре их нагнал князь Мстислав Романович Киевский, всех побил и пленных отобрал⁵⁴. По наблюдениям Болтина, об этом происшествии сообщает только Никоновская летопись, да и то не так, как Щербатов. Там событие датировано 1219 г., а преследовал литовцев князь Мстислав Мстиславич⁵⁵. Впрочем, напрасно Болтин отказывался верить этому сообщению, содержащемуся в московском летописном своде 1479 г., восходящему, по мнению В.Т. Пашуто, к «Киевской летописи»⁵⁶. Можно верить или не верить в эту «Киевскую летопись», но московский летописный свод доверия заслуживает. И упрекнуть Болтина можно не в незнании этой летописи, а в нежелании видеть историческую правду. Как и в случае с «впадением литовцев в Новгородские пределы», описание которого якобы «удивительным образом изуродовал» Щербатов⁵⁷. Последний в полном соответствии с данными летописей повествовал о том, как литовцы дошли до Торжка и оказались у Клина⁵⁸. Болтин

⁴⁹ Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. С. 390.

⁵⁰ Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. С. 33, 66, 111, 121—122, 331.

⁵¹ Там же. С. 47, 295, 388.

⁵² Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. С. 429; Критические примечания... на второй том... С. 382—383.

⁵³ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. С. 395, 437.

⁵⁴ Там же. С. 503.

⁵⁵ Критические примечания... на второй том... С. 431.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 117—118; Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 17.

⁵⁷ Критические примечания... на второй том... С. 461.

⁵⁸ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. С. 551—552.

же утверждал, что «ни до Торжка, ни до Клину» литовцы не доходили, а князь в своём «растленном воображении» слово «торжище» принял за Торжок⁵⁹.

То, как способствуют убеждения искажению исторической истины, демонстрирует ещё один характерный случай. Щербатов привёл сообщение о князе Изяславе, «которой был от Литвы посажен на престол Лукский». Это сообщение, в свою очередь, навело его на цепочку мыслей о том, почему в польских летописях по некоторым княжениям «часто князей российских яко данников Польши и Литвы обретаем». Сами ли литовцы эти княжения взяли, или российские князья им отдали, но главное, чтобы на престоле сидели именно российские князья. «Сие же самое нам показывает, как далеко, по крайней мере, в сей части границы литовские простирались в Россию», — заключал историк⁶⁰. Это одна из первых попыток разобраться в феномене Литовско-Русского государства, в котором, как известно, литовские князья оседали на русских княжеских столах, а потом могли и обрусеть⁶¹. Как же отреагировал на это Болтин? Оценил в своей изящной манере, как «затмение» разума князя: Изяслав сидел, наоборот, для охраны города от литвы. И тут Болтин не нашёл ничего лучшего, как обратиться к истории ещё более древней: такую же функцию обороны выполняли и самые первые князья — Рюрик, Синеус и Трувор, причём последний уже тогда должен был действовать против литвы. Проблема взаимоотношений с литвой и поляками Болтина действительно волновала. О даннических отношениях, вернее, об отсутствии такой зависимости, он говорил и в своём ответе на письмо Щербатова⁶². А в «Примечаниях» по одному высказыванию можно понять, что его больше всего раздражала попытка увести зависимость России от литвы глубоко в древность. «Напротив... литовцы издревле были подданными России и дань ей платили, до тех самых времён, пока Россия чрез разделение на бесчисленные уделы и воспоследовавшие от того междоусобия не пришла в слабость и изнемогла», — отметил в своих примечаниях генерал-майор, предпочтя не входить в хронологические детали. Конечно, Щербатов допускал ошибки в вопросах географии, но когда Болтин делал ему замечание: литовцы не жили рядом с новгородскими «пределами»⁶³, возникала некая смесь пуризма с придижкой, поскольку Щербатов достаточно широко рассуждал о соседстве Новгорода с литовскими и чудскими «народами»⁶⁴.

Это подтверждает ещё более знаменитая критика Болтиным произведения француза Н.-Г. Леклерка. Здесь среди всякого рода «бытовой перепалки» по поводу того, что ели и пили наши предки, доброго и приятного русскому уху заступничества за мораль и нравы наших древних соплеменников, сомнительных рассуждений о феодализме и об истории стран Запада, встречаем и некоторые сведения и о Литве/литве (в основном в духе реконструкции фантастического «этногенеза» народов)⁶⁵. Литва, по Болтину, как, впрочем,

⁵⁹ Критические примечания... на второй том... С. 462, 471.

⁶⁰ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. С. 421—422.

⁶¹ Некоторые уточнения в своё понимание этих событий князь вносил и позднее (Щербатов М.М. Указ. соч. Т. V. С. IX—X).

⁶² Ответ генерал-майора Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 174—176.

⁶³ Критические примечания... на второй том... С. 469.

⁶⁴ Щербатов М.М. Указ. соч. Т. II. С. 559—560.

⁶⁵ Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным. Т. II. СПб., 1788. С. 127.

и русские, и поляки, — это потомки сарматов; ещё Нестор якобы называл те народы, которые произошли от сарматов, и в этом списке, наряду с чудью, мордвой, зимеголой и черемисой, была и литва. Был ещё сарматский народ «Гуни или Хуни, который, по Стриковскому, жил в Литве». Попытку Леклерка вывести литву из хазар Болтин решительно пресёк⁶⁶. Вот вершина этногенетических построений генерал-майора Болтина: «Литва, область известная. Название их происходит от слова Лит-алане, то есть малый народ; после Литване, а наконец сокращенно Литва именовать стали. Язык их доказывает смешение их со славянами... Прусы с первоначалия были сарматы, но после в Германян превратились и язык свой позабыли». Иногда фигурируют «литовские войска», например, в рати Дмитрия Донского или в Смуту, где они действуют наряду с польскими⁶⁷.

Тема возникновения и развития ВКЛ в рассуждениях Болтина проходила сугубо по касательной; также и о присоединении Малороссии и Смоленска: «Сии были издревле одного рода, одного закона и жили под единым правлением с Русскими, всегда были привязаны любовью и усердием к России: бывши отторжены от нея по несчастным обстоятельствам времён, духом всегда соединены были с нею»⁶⁸.

Историки второй половины XVIII столетия если и обращались к истории ВКЛ, то дальше военных действий не шли⁶⁹. То же самое можно сказать и об академической науке. Так, «неутомимый и умный историк» Г.Ф. Миллер в материалах о Малороссии уделил ВКЛ лишь несколько строк⁷⁰. У великого М.В. Ломоносова и на этот счёт были прозорливые догадки. Например, о том, что «и поныне Литва древние российские законы содержит». Но дальше следовали обычные для того времени «этногенетические» построения: «Литва, Жмудь и Подляхия исстари звались Русью», а «древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курландским или летским». Варяги-россы, которые тогда назывались роксоланами, поселились «круг реки Русы, ныне старая Пруссия, Курляндия и Белая Россия». Они и стали россами, а оставшиеся «на старом жилище россы» стали поруссами — пруссами. Сейчас, конечно, эти забавные этнография и языкознание могут вызвать только улыбку, как, например, аланы, смешанные с курландцами, — «россаны». Знал Ломоносов и о том, что «в Пруссию переселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди», и неудивительно, что в «остатках древнего прусского языка... также в Курландии, Жмуди и Литве, весьма много вмешано слов латинских»⁷¹.

Вспоминал Ломоносов о Литве в связи с борьбой с нею Ярослава Всеволодовича и в связи с политическими и военными событиями времён Московской

⁶⁶ Там же. Т. I. СПб., 1788. С. 17, 27—29, 33, 44, 55, 84, 108, 109, 353.

⁶⁷ Там же. С. 46, 297, 372, 409—410.

⁶⁸ Там же. Т. I. С. 346; Т. II. С. 147.

⁶⁹ Богданович И. Историческое изображение России. Ч. I. СПб., 1777. С. 67; Мальгин Т. Зерцало, российских государей изображающее. СПб., 1794. С. 101, 119, 217—218, 267, 309, 324—325, 332, 343—344, 348, 354; Эмин Ф.А. Российская история жизни всех древних от самого начала России государей до Екатерины II. Т. I. СПб., 1767. С. 290—291, 412.

⁷⁰ Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. М., 1846. С. 33—34.

⁷¹ Ломоносов М.В. Записки по русской истории. М., 2003. С. 60—61, 63, 145, 181, 448, 457—458.

Руси, причём ко времени Ивана Грозного литва уже слилась в его сознании с поляками. И всё-таки отдельно проблемы Литовского-Русского государства в русской истории Ломоносов не видел. Не нашлось места литовско-русским сюжетам и в плане «монументально-живописной пропаганды», хотя поляки, разоряющие Москву, явственно вставали в его воображении⁷². Учёные разных времён изучали такой источник, как пометы Ломоносова в книжках, и были вынуждены констатировать, что поляками он интересовался, а литовцами — нет (разве что войной Ивана III с Александром, великим князем литовским)⁷³.

Но к концу «осмнадцатого» века академическая наука приготовила российской литуанистике сюрприз: труды А.Л. Шлёцера⁷⁴. Эти работы (в частности, книга, непосредственно посвящённая литовской истории) явно ещё не учтены должным образом при изучении истории литуанистики. Несколько строк обнаруживается в книге В.Т. Пашуто⁷⁵ (те же самые строки нам приходилось встречать и в других историографических сочинениях, которые выходили уже после книги Пашуто). Литература о нём огромна, но тема «Шлёцер — литуанист» явно забыта. Литовскую историю Шлёцер изучал критическим способом, не давая разгуляться интересу и патриотизму. Для этого у него был свой план, главным звеном которого являлось предоставление читателю возможности самому разбираться в исследовании. Для этого должна решаться триединая задача: разобраться в писаниях главных историков (что у них реальные факты, а что риторические украшения); полное реферирование, чтобы читатель видел, какие факты и для чего воспроизводятся, наблюдал при этом их в связи между собой; и, наконец, дать материал в сравнении⁷⁶.

Эта история представлялась Шлёцеру малоизученной, но при этом правдивой и, соответственно, очень интересной. Он подошёл к литовской истории от истории Севера, но если истории Севера в целом литовская история близка, для «нашей» (видимо, в данном случае германской) истории ещё и полезна, то для русской — необходима. В этом нельзя не видеть развитие мысли князя Щербатова, хотя Шлёцер на него и не ссыался. Почему же эта история так малоизвестна? Ею мало интересовались — новейшей литературы историк практически не нашёл. Шлёцеру остались неизвестны древние литовские анналы, хотя у Стрыйковского в распоряжении было 12 литовских хроник⁷⁷. Ему не удалось ознакомиться с русскими анналами, которые описывали бы литовское завоевание России столь подробно, как это делал Стрыйковский. Между тем Гизель, Татищев и Щербатов в своих рассказах брали сведения у него. Зато все соседи литовцев — русские, обитатели Пруссии и поляки — имели более ранние истории. Эти соседние хроники содержат сведения по литовской истории.

⁷² Там же. С. 155, 158—161, 165, 167, 172, 174, 195, 468, 477—482.

⁷³ *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 630—631, 667.

⁷⁴ *Schlözer A.L., Gebhardi L.A.* Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland (далее — *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen...). Halle, 1785.

⁷⁵ *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 228—231.

⁷⁶ *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 8.

⁷⁷ *Ibid.* S. 19. Речь идёт о «западнорусских» (белорусско-литовских летописях). См. также: *Allgemein Nordische Geschichte. Aus den neusten und besten Nordischen Schriftstellern und nach eigenen Untersuchungen beschrieben, und als eine Geographische und Historische Einleitung zur richtigern Kenntniß aller Skandinavischen, Finnischen, Slavischen, Lettischen und Sibirischen Völker, besonders in alten und mittleren Zeiten, herausgegeben von August Ludwig Schlözer.* Halle, ben Iohann Iustinus Gebauer, 1771 (далее — *Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte...). S. 242—243.

Шлёцер лелеял надежду, что, когда русские, ливонские, прусские и польские анналы будут опубликованы и сравнены, прояснится больше не только сама история ВКЛ, но и источники этой истории⁷⁸.

Историк знал работы ранних польских авторов: Длугоша, Кромера, но интересно, что, когда речь шла о формировании ВКЛ, Шлёцер, вслед за спорщиками XVI в., признавал приоритет русских источников. Когда на «рейхстаге» поляки и литовцы обсуждали вопрос о Волини и Подолии, они присматривались к русским летописям, а не к литовским⁷⁹. Русские анналы или потерялись, или лежат ещё где-нибудь в монастырях. Татищев читал летопись (назвав её Еропкинской), в которой описаны полоцкое, витебское и другие литовские княжества. Да и сам Шлёцер в 1761 г. из «старых и хороших рукописей», которые принадлежали Полетике, выписал «Список городов дальних и ближних»⁸⁰. В 1771 г. Шлёцер читал напечатанную в Петербурге «Хронику о мятежах во времена Дмитрия Самозванца». Составляя в качестве приложения «Генеалогическое описание литовского великого княжества из русских анналов», он использовал четыре известные летописи (среди которых Воскресенская и Никонская) и одну Родословную книгу. В этом ему сильно помог С.С. Башилов, которого Шлёцер очень ценил⁸¹. Отмечу и подробную географию, приведённую историком: «Литва в узком смысле» — «Литва сама», «Литовская Русь»⁸². Интересен вывод, к которому историк пришёл в результате анализа географического положения Литвы: она не имела плодородных земель, чтобы прокормить треть миллиона душ.

Рассказывая о своих предшественниках, Шлёцер рисовал яркую историографическую картину. Основоположником литуанистики у него предстаёт поляк М. Стрыйковский. Этот выдающийся человек много путешествовал, изучал философию в Кракове и Лейпциге. Имея на руках много источников, он написал общую хронику своей родины. Шлёцер честно признался, что книги Стрыйковского он не смотрел: Коялович в прошлом столетии жаловался, что уже к его времени они сильно устарели⁸³. Впрочем, Шлёцер знал о латинском переводе работы великого поляка, хранившемся в монастырской библиотеке в Ченстохове. Найти русский перевод в Императорской библиотеке в Санкт-Петербурге Шлёцер не смог. Положение облегчало то, что три автора — рыцарь Гваньини, архимандрит Иннокентий (Гизель) и проканцлер Коялович — путём переводов и извлечений ввели материалы Стрыйковского в оборот: ни один другой польский писатель не приобрёл такой известности⁸⁴.

Сложнее всего обстоит дело с итальянцем из Вероны, средневековым авантюристом, поступившим на польскую службу и ограбившим Стрыйковского ещё при его жизни. В 1578 г. Александр Гваньини подарил Кракову исполненный в хорошей латыни краткий «Хроникон», в 1581 г. создал «Описание сарматской Европы», напечатанное в 1611 г. в Кракове, где сведения были взя-

⁷⁸ *Schlözer A.L. Geschichte von Littauen...* S. 23.

⁷⁹ *Ibid.* S. 153—154.

⁸⁰ *Ibid.* S. 19.

⁸¹ См. о нём: Башилов, Семён // Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 611—612.

⁸² *Schlözer A.L. Geschichte von Littauen...* S. 16—17.

⁸³ Что не мешает ему ссылаться на Стрыйковского (*Schlözer A.L. Geschichte von Littauen...* S. 281, 294).

⁸⁴ *Schlözer A.L. Allgemein Nordische Geschichte...* S. 20, 242.

ты из сочинений Стрыйковского. Шлёцер со свойственным ему юмором писал о том, что Стрыйковский жаловался на плагиат, но жаловался по-польски и посему иностранцами не был услышан. А те читали на латыни Гваньини и удивлялись, как же изящно рассказывает он историю этой части света. Шлёцер считал, что Гваньини поступил со Стрыйковским, как Меховский с Длугошем, а Америго Веспуччи с Колумбом⁸⁵.

Иннокентий (Гизель) — автор известного в России сочинения. В его работе отразились многие русские и литовские события (поскольку его родной Киев находился несколько веков под литовским владычеством). Архимандрит Иннокентий также брал сведения Стрыйковского, благодарно отмечая это на полях. Два первых издания его труда вышли в Киеве (1678, 1680). Шлёцер располагал пятым (Петербург, 1762), в котором изложение событий доведено до 1679 г. Верный истине, Шлёцер ополчился на тех, кто необоснованно считал автором «Синописа» не Гизеля, а некоего патриарха Константина, поляка по происхождению. Среди таких «невежд» оказались и не очень известный у нас Бергиус, и гораздо более знакомый Страленберг и Вольтер⁸⁶.

Среди тех, на кого опирался Шлёцер, был и И.М. Штриттер. Шлёцер считается его учителем, да и главная работа Штриттера — выборка из византийских историков материалов, относящихся к истории народов Восточной Европы⁸⁷, — создавалась по плану, подсказанному Шлёцером. В «Приложении» к своей третьей книге Шлёцер поместил сведения из Штриттера: византийские описания литовцев, жемайтов, пруссов и других соседних земель с примечаниями⁸⁸. Не всё из этого действительно имело отношение к литовской истории. Что-то даже оказалось курьёзным, например литовский порт на Чёрном море в начале XV в.

Но главным героем шлёцеровского «романа» стал Альберт (Войцех) Коялович — доктор теологии, проканцлер и профессор Вильнюсской академии. Этот «честный иезуит взял у Стрыйковского всё, что касалось литовской истории, и мужественно перевёл это в прекрасную, почти древнеримскую латынь». Шлёцер был готов излагать литовскую историю по Кояловичу почти без сокращений. Штудирова последнего, немецкий историк старался понять, как всё-таки соотносятся труды этих двух историков, — ведь за Кояловичем стоял Стрыйковский, имевший в своём распоряжении 40 рукописных хроник, однако на них не ссылаясь, поэтому, по мнению Шлёцера, только тогда, когда русские, ливонские, прусские и польские анналы будут опубликованы и их сравнят между собой, станет ясна и литовская история, и степень добросовестности Стрыйковского.

Шлёцер пытался оценить не столько историописателя позапрошлого для него века, сколько создателя истории века прошлого. Эта оценка чрезвычайно интересна. Коялович имел репутацию мастера исторической критики: все события вплоть до времени Миндовга он подвергал сомнению. Но были вещи, которые вызывали у учёного немца подозрения. Во-первых, Коялович представлялся

⁸⁵ Ibid. S. 21. Спор об этом давнем плагиате идёт давно, и точка в нём ещё не поставлена (Погов А.И. Указ. соч. С. 24—25, 239—240).

⁸⁶ Schlözer A.L. Allgemein Nordische Geschichte... S. 22.

⁸⁷ Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium, et inde magis ad Septentriones incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae ab I. G. Strittero. T. 1—4. СПб. 1771—1779.

⁸⁸ Schlözer A.L. Geschichte von Littauen... S. 175—189.

ему прагматиком (не в нынешнем значении этого слова): изучая поступки исторических персон, он смотрел в глубь их душ и именно там пытался найти тайные основы их деяний. Это не могло не влиять на восприятие фактов литовской истории. Во-вторых, уж очень подробно описывал он те или иные события, особенно связанные с древней историей литовской шляхты. Откуда брались эти детали и анекдоты?

Коялович, по мнению Шлёцера, допустил ещё одну ошибку. Следует обратить внимание на то, что впервые в литуанистике мы присутствуем при появлении идей о политогенезе, о государствогенезе, о постепенном вызревании государства. Учёный конца XVIII — начала XIX в. упрекал своего предшественника в том, что он не видел эволюции государства, не замечал детского периода в его развитии. Как трактовать орды литовцев, бродившие в дремучих лесах? Разве дюжий глава семейства с копьём — это уже герцог — возглавляет рейхстаг, имеет сенат и дворянство? Так быстро это могло произойти только у христиан-поляков, но у диких литовцев не могло⁸⁹. Тут, полагаю, почтенный историк неправ: у христиан-поляков это также не могло произойти быстро.

Шлёцер оказался гораздо ближе к научному уровню нашего времени, чем многие историки недавнего прошлого, норовившие увидеть государство в совсем уж древние времена. По Шлёцеру, до XI в. у литовцев не имелось даже следа государства: «До того, как литовцы обрели государство, они несомненно жили как дикари — ибо есть ли во всей 6000-летней мировой истории хоть один пример, чтобы человек без государства стал человеком»? Поэтому и были они лишены истории, не знали своего имени, как немцы до Цезаря или ирокезы до Колумба⁹⁰.

Интересно, что, зная о широком распространении племён балтов, Шлёцер предполагал, что первое место возможного возникновения государства могло быть в районе Ковно: здесь на восток вплоть до Смоленска на Днепре располагались удобные для жизни людей места. Но в IX в. сюда пришли русские, и позже здесь находим чистых славян, хотя следов завоевания русскими нет⁹¹. Искусно отделив древних литовцев от других окрестных народов, историк нашёл некую область на р. Немане, где и возникло в XIII в. первое Литовское государство. Оно было маленьким, но постепенно за счёт войн разрасталось, и во времена монголо-татарского нашествия захватило соседние русские земли, часть из которых потом передало своему польскому союзнику⁹². Возникали и какие-то мелкие государства-союзы. Большую роль в генезисе государства сыграл внешний фактор: поляки под началом Болеслава и Россия — князя Владимира. Оба «славянских гения» чинили соседям затруднения; произошли потрясения в литовских лесах. Далее Шлёцер с юмором изложил теорию политогенеза *ab extra*: государства, по его мнению, возникают из страха перед завоевателями, как перед тиграми и потоками. Так возникли Новгород и Киев — из страха перед норманнами и хазарами. Так, вероятно, возникла Польша — из страха перед франками, и вот Литва — из боязни поляков и русских⁹³.

⁸⁹ Ibid. S. 23.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid. S. 14. Впрочем, балтов теснили не только славяне с востока и юга, но и финны с севера, и германцы со стороны моря (*Schlözer A.L. Allgemein Nordische Geschichte...* S. 320).

⁹² *Schlözer A.L. Allgemein Nordische Geschichte...* S. 320.

⁹³ *Schlözer A.L. Geschichte von Littauen...* S. 28.

Шлёцер очень интересовался истоками Литовского государства. Но век накладывал печать на его интересы. Историки того времени больше чем государством интересовались историей народов. Вспомним Г.Ф. Миллера, который составил практически аутентичную схему расселения сибирских народов и установил их языковую принадлежность. В русле изучения истории народов лежала борьба Шлёцера с древними легендами: вполне в духе славной эпохи Просвещения человеческий разум норовит не из лесов вывести литовцев, а от знаменитых аланов, и сделать их первыми князьями не просто литовцев, а знатных итальянцев.

Некто поляк или литовец, возможно, современник Длугоша, мог в Европе ушышать, что есть такая страна «Италия» или «ла Италия». Ошибка в произношении между «Литалия» и «Литвания» и привела к путанице. Впрочем, это не главное, что решительно отбросил Шлёцер (причём даже в трактовке Кояловича, связавшего литовцев не с итальянцами, а с герулами, которые у него также оказались литовцами). Поскольку герулы, аланы, лангобарды, половцы и печенеги — это один народ, то все они литовцы. Наримунд — это якобы лангобардский князь. Опустим все детали антитезы Шлёцера — в ход шёл даже такой аргумент: итальянцы были уже христианами, зачем же потом надо было снова крестить литву? Порвать с этой средневековой ересью Шлёцеру помог всё тот же юмор: как Франкус пришёл из Трои, Лех и Чех из Каринтии, так Палемон пришёл из Генуи, подобно Колумбу. Пора уже покончить с этими пришельцами... Помимо злополучного Палемона, прогрессивный историк «разобрался» и со многими другими мифами, в частности он удалил из истории «новый народ» Witen, отвёл от литовцев «видивариев» и хазар⁹⁴. Здесь ему пришлось вступить в полемику со шведом И.Э. Тунманном — рано умершим историком, профессором красноречия и философии университета в Галле.

Шлёцер рассмотрел вопрос о том, на каком языке говорили литовцы: история их столь малоизвестна, что мы даже точно не знаем, к какой языковой семье они относятся. Г.З. Байер относил литовцев к финнам, сам же Шлёцер утверждал, что летты с финнами ничего общего не имеют. Но страницей ниже он писал, что многие корневые слова у них имеют сходство⁹⁵. Противоречия здесь историк не видел. Не только в финском, но и в германском языке находятся общие с литовским языком слова⁹⁶. Литовцы, пруссы и летты — один народ, они различаются лишь диалектом. С германцами и финнами у них нет ничего общего, со славянами в их языке гораздо больше сходства. Писал историк и о ятвягах, живших в Подляшье. Меховский и Гваньини описывали их как варваров, похожих на литовцев. Но они были поляками истреблены, однако ещё во времена Кромера следы их сохранялись. Обратился историк и к истории пруссов, констатируя, что во всей «Северной истории» больше нет столь разумно и критично обработанных частей, чем прусская история. Перечислив с десятков знаменитых хронистов, Шлёцер с элементом горечи отметил: «Жаль, что большая часть этих хроник ещё не напечатаны, чтобы лежать в библиотеке!». Не может не вызвать симпатии честное отношение Шлёцера к деяниям

⁹⁴ Ibid. S. 10—12, 24—26.

⁹⁵ Probe Rußischer Annalen von August Lüdwig Schlözer. Bremen und Göttingen, 1768. S. 11—13.

⁹⁶ Ibid. S. 15.

своих предков: выходцы из Германии так угнетали эту «нацию», их религию и язык, что к началу Нового времени и следов от неё не осталось⁹⁷.

Со с. 29 своего главного сочинения о ВКЛ Шлёцер излагал историю, как и обещал, по Кояловичу, высказывая и свои суждения, привлекая другие источники. Но он явно попал под скромное обаяние Кояловича. Например, Наримунд у него выступает в роли, напоминающей монархов совсем других времён: он собирает рейхстаг, вокруг него и сенат, дворянство, появляется и гофмаршал. Образы Кояловича Шлёцер иногда дополнял своими сомнительными ассоциациями — отношения древних князей Тройдена с Войшелком почему-то напомнили ему известную ситуацию Петра I и А.Д. Меншикова⁹⁸.

Важный этап исторического развития по Шлёцеру — завоевания Гедими-на. Русская монархия, пройдя 430 лет всевозможных потрясений, стала прибавлением к Литве. Поляки князя Болеслава дважды грабили Киев, однако ни один последующий король Польши не носил титула владетеля Киева, никто не превращал его в провинцию. Первым иностранцем, кто Киевом овладел, был Гедимин, Батые же в этой связи Шлёцер не упомянул. Повествуя о войнах Ольгерда, он неожиданно отметил московского князя «Деметриуса Семечку»⁹⁹. Примечательно, что события 1380 г. с литовской стороны и у Шлёцера никак не освещены.

Интересны соображения о русских землях и их судьбах. Названия «Монгольская Россия», «Литовская Россия» (в географическом описании находим и «Литовскую Русь») распространены и полезны, но надо помнить, что была и свободная Россия — Великий Новгород. Позже он утратил свою свободу, и наряду с «Литовской Россией» существовала просто «Россия». С какого-то момента у Шлёцера появилась Белая Россия: после рейхстага в Бресте король объехал всю Литву и Белоруссию. В Белую Россию историк включил Полоцк, Витебск и Смоленск¹⁰⁰. Знал он и «Чёрную Россию», а также «Красную».

Шлёцер последовательно излагал события истории ВКЛ в четырёх книгах, структурируя повествование по правлениям литовских князей. Внимание немецкого историка было устремлено на деяния тех же князей, на войны, увлекали его и события внутривосточной жизни (например, шляхетские «рейхстаги»). События эти, конечно, нуждаются в проверке. Иногда Шлёцер делал меткие и запоминающиеся вылазки в область культуры и истории повседневности. В его повествовании неплохое отражение получил и униатский процесс (имеем в виду политическую унию). Он поэтапно проследил становление отношений между двумя народами, постоянно делая акцент на их сложности и обилии противоречий между поляками и литовцами. Шлёцер был поклонником объединённых наций и государств: немцев и богемцев, итальянцев и испанцев, поляков, литовцев и русских. Своё изложение униатского процесса он закончил на той же волне: вся Европа замерла в ожидании, прибыло много посланцев иностранных дворов: от папы, императора, шведов, московитов, турок, татар.

⁹⁷ Schlözer A.L. Allgemein Nordische Geschichte... S. 243—244.

⁹⁸ Schlözer A.L. Geschichte von Littauen... S. 49—50.

⁹⁹ Ibid. S. 62, 67, 207. А.И. Рогов выдвинул предположение, что под «Семечкой» Стрыйковский имеет в виду Шемяку (Рогов А.И. Указ. соч. С. 174), т.е. Стрыйковский спутал Дмитрия Шемяку с Дмитрием Донским. Шемяку же С. Герберштейн именовал «Semesko». Предположение вероятное, но вспомним и Н.М. Карамзина, считавшего, что Стрыйковский перепутал отчество: «Симеонович» (Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. V. М., 1993. С. 233).

¹⁰⁰ Schlözer A.L. Geschichte von Littauen... S. 36, 138, 155, 166.

Хотя старое Великое княжество Литовское ещё будет существовать, но будет это уже la Province du Grand-Duché de Litwanie, как оно именовалось даже и на собственном канцелярском языке, а знать — потомки литовских и русских князей, как и их земли, — теперь будут связаны с польской Коронай¹⁰¹. Шлёцер довёл историю ВКЛ до смерти Сигизмунда-Августа, уделив пристальное внимание спорам вокруг титула российского царя.

Перед нами открылся целый мир литуанистики, а лучше сказать — литовско-русской истории в восприятии российских учёных XVIII в. Историки сильно зависели от своих предшественников — историописателей XVI—XVII вв., от летописного материала, но, тем не менее, прокладывали пути для изучения истории ВКЛ. Приятно осознавать, что интерес был в основном именно научным, на него ещё мало влияли политические и национальные эмоции. Учёные обитатели следующего «длинного девятнадцатого века» строили свои исследования отнюдь не на пустом месте — они лишь подхватили эстафетную палочку.

¹⁰¹ Ibid. S. 238, 288, 296.